

Глава 42. Будни уездной управы

Торговец, смекнув, что перед ним щедрый покупатель, с готовностью протянул Гэ'эр Линю браслет из красных бобов. Тот надел его на запястье и принялся любоваться, не в силах отвести взгляд.

— Спасибо, Ланьи, — искренне поблагодарил он.

— Пустяки, — юноша уверенно махнул рукой, явно наслаждаясь своей ролью.

Чжэн Шаньцы лишь молча наблюдал за этой сценой.

«Похоже, он решил окончательно дать волю чувствам и не скупиться».

Вскоре Юй Ланьи заприметил лавку готового платья.

— Идёмте скорее, — позвал он. — Вам всем нужно справиться по паре тёплых вещей.

Когда они вошли внутрь, братья Чжэн остались чуть позади своих супругов и младшего брата. Шаньчэн негромко произнёс:

— Шаньцы, к чему такие траты... Мы в долгу перед вами.

— Брат, не говори так, — мягко ответил начальник уезда.

Лавочник, уже знавший Ланьи как ценного клиента, а теперь завидев и самого главу уезда, преобразился в лице, став ещё более услужливым.

— В нашей лавке богатый выбор, — засуетился он. — Вот эти зимние халаты сейчас самые ходовые. Посмотрите, молодой господин Юй.

Внимание Ланьи привлекла лазурная накидка. Он попросил показать её поближе. Халат был подбит мягкой ватой, а ткань верха — яркая, с изящной вышивкой в виде нарциссов. Юноша сразу решил, что этот наряд идеально подойдёт Циньинню: если накинуть сверху ещё и синий плащ, младший брат будет выглядеть просто чудесно.

Хозяин лавки заметил, что фасон этот пользуется спросом, хоть и стоит недёшево. Юй Ланьи, даже не дослушав его, обернулся к Циньиню:

— Иди, примерь в той комнате.

Циньинь, следуя за супругом брата по лавке, совсем растерялся от обилия тканей и фасонов. Дома у него было всего пять нарядов на все четыре сезона — их то и дело чинили, стирали и перешивали. Редкие поездки со старшим братом в город за продажей вышитых платков обычно заканчивались лишь взглядами издали: в лавки они не заходили, опасаясь презрения приказчиков.

Теперь же всё было иначе. Ланьи выглядел как настоящий столичный господин, а Шаньцы, лишь просто стоя рядом, излучал величие чина. Послушавшись совета, юноша взял халат и робко скрылся за ширмой.

Гэ'эр Линь же, оказавшись среди отрезков шёлка и парчи, чувствовал себя как дома. Его глаза горели, руки то и дело касались нежного полотна — он был по-настоящему счастлив.

— Гэ'эр Линь, — окликнул его Ланьи, — как тебе этот наряд?

Он указал на халат цвета спелой айвы — яркий и нарядный. Линь на миг замер, но затем покачал головой:

— Мне уж девятнадцатый год пошёл, не пристало ли в таком ярком ходить?

— Девятнадцать? Да это самый расцвет! — воскликнул Юй Ланьи. — В столице и семидесятилетние матушки не гнушаются носить узоры. Одежда — для радости, а не для возраста. Бери скорее, ты хорош собой, тебе всё будет к лицу.

Он буквально вложил халат в руки Линя. Шаньцы про себя отметил, что эти речи звучали подозрительно знакомо.

Линь, услышав столь искусный комплимент, отбросил сомнения.

«Сразу видно, человек из знатного дома, — подумал он с восхищением. — Говорит так, что на душе теплеет»

С ослепительной улыбкой он отправился на примерку. Затем Ланьи оглядел Шаньчэна и выбрал для него добротное одеяние тёмно-синего цвета. Тот замялся:

— Младший супруг, мне-то зачем? Я к такому не привык, мне и в своём ладно.

Юноша лишь хитро прищурился:

— Не привык? Значит, пришло время привыкать.

Шаньчэн и глазом моргнуть не успел, как Ланьши, проявив неожиданную силу, буквально подтолкнул его к примерочной. Шаньцы лишь посмеивался в стороне:

— Брат, раз Ланьши настаивает — не спорь, примерь.

Шаньчэн, скрывшись за ширмой, почувствовал, как к горлу подкатывает комок. Второй брат действительно повзрослел, стал опорой для семьи. Минутная грусть быстро сменилась радостью за его успехи.

Первым вышел Циньинь. У Ланьши загорелись глаза:

— Как хорош! Вот выйдешь так на улицу, и все станут допытываться — что за красавец у нас в городе объявился?

От столь бесхитростной похвалы Циньинь густо покраснел. Взглянув на себя в медное зеркало, он едва узнал собственное отражение: глаза светились, а на губах играла робкая улыбка.

— А теперь примерь ещё вот эти два, — он тут же всучил младшему брату новые вещи, не давая опомниться.

Линь тоже вышел в обновке, поглаживая качественную ткань — на его лице сияло неподдельное удовольствие. В итоге, когда все примерки были закончены, Ланьши, даже не поинтересовавшись ценой, распорядился:

— Заворачивайте всё. Велите слугам доставить покупки в наше поместье.

Лавочник рассыпался в благодарностях:

— Слушаюсь, господин Юй! Всё доставим в лучшем виде, не извольте беспокоиться.

Гэ'эр Линь стоял как громом поражённый. Выйдя из лавки, он всё ещё не верил в происходящее: купить всё сразу, даже не торгуясь... Жизнь в Синьфэне и впрямь напоминала сказку. Циньинь чувствовал неловкость от таких трат, а Шаньчэн и вовсе оробел — хоть он и знал, что брат теперь при чине, но боялся, что такие расходы быстро истощат его средства.

Однако Ланьши на этом не остановился и повёл всех покупать зимнюю обувь. К добротным сапогам хозяин лавки в подарок добавил три пары шерстяных носков.

Из пятидесяти лянов юноша потратил лишь двенадцать — в Синьфэне цены были куда ниже столичных, да и лавка эта не чета «Павильону Золотых Одежд», так что оставшихся денег должно было хватить надолго.

Чжэн Шаньцы с улыбкой наблюдал, как его супруг помогает Линню и Цинъюню выбирать тёплые рукавицы и шарфы. Трое юношей были так хороши собой, что прохожие невольно оборачивались им вслед. Линь, смеясь, примерил на Цинъюня меховые наушники с кроличьими ушками:

— Вот это тебе в самый раз!

Братья Чжэн стояли в стороне. Шаньчэн давно не видел супруга таким весёлым. С тех пор как Линь вышел за него, на долю бедняги выпало немало тягот: ранение Шаньчэна, безденежье, бесконечный труд... Хотя отец и папа в семье не попрекали его, всё же он не знал лёгкой жизни. Сердце Шаньчэна наполнилось нежностью.

— Ну же, господин муж, и ты, брат, идите сюда! — позвал Ланьи.

Когда те подошли, он сам повязал Шаньцы шарф:

— Вот так будет теплее.

Шарфы у супругов были одного оттенка, что смотрелось по-особенному уютно.

Накупив всего вдоволь, гости чувствовали себя словно в тумане. Вещи уже отправились домой, а сами они решили напоследок отведать местных лакомств. Юноша купил всем по «цзяньцзяцзы» — обжаренным во фритюре ломтикам лотоса или баклажана, начиненным рыбой, мясом или крабовой икрой.

В Синьфэне это угощение очень любили. Ланьи и сам частенько посылал за ними Цзинь Юня. Цинъюнь, откусив кусочек, замер — корочка была хрустящей, а начинка — сочной и ароматной. Таких вкусностей ему пробовать ещё не доводилось.

Удача улыбнулась им и у лавки с маленькими паровыми булочками — они успели забрать последнюю корзину, прежде чем хозяин закрыл торговлю на ночь.

Домой возвращались в прекрасном расположении духа. Ланьи, сохранив в рукаве ещё двадцать лянов, был крайне доволен собой. Едва они с Шаньцы вошли в свои покои, он гордо подбоченился:

— Ну что? Не ударил я в грязь лицом перед твоими родными?

Шаньцы, снимая плащ, ответил:

— Полагаю, они от тебя в полном восторге. Его сердце наполнилось теплом, глядя на радость близких.

— Ещё бы, я умею нравиться людям, — самодовольно отозвался Ланьши.

В комнате было жарко — печи топили на совесть. Юноша, разминая плечи, вдруг вспомнил:

— Надо велеть мастерам переделать кровати в гостевых комнатах на каны, так будет куда теплее. Завтра же займусь этим.

Он небрежно бросил плащ на вешалку и, умывшись, принялся напевать что-то весёлое. Шаньцзы лишь диву давался — тратить деньги его супруг умел с небывалым упованием.

Несмотря на усталость, Ланьши никак не мог уснуть и всё донимал мужа разговорами.

— Твой брат с супругом — славная пара, живут душа в душу, — рассуждал он. — А младшему сколько? Совсем ребёнок... Редко встретишь таких кротких. В столице-то Гэ'эр только с виду тихие, а сами капризные да заносчивые.

— Циньиню четырнадцать, — с улыбкой ответил Шаньцзы.

— Совсем юный ещё...

Ланьши задумался. Он решил, что пока муж будет занят делами, он сам развлечёт Линя и Циньиня, поможет им освоиться. До встречи он волновался, гадая, какими окажутся родственники Чжэна, но теперь успокоился — люди они были простые и добрые.

Шаньцзы заметил, как плечи супруга мелко подрагивают — тот тихо смеялся своим мыслям.

— Шаньцзы, твоя семья мне по душе.

Тот на миг замер, а затем ответил:

— Твоя семья тоже очень достойная.

Ланьши сладко зевнул и, пристроившись на плече мужа, мгновенно уснул. Начальник уезда же чувствовали себя совершенно вымотанным — видать, забота о гостях требовала не меньше сил, чем государственные дела. Засыпая, он уже думал о завтрашнем дне.

На следующее утро Шаньчэн, Гэ'эр Линь и Циньинь, привыкшие вставать с рассветом, уже были на ногах. У дверей они столкнулись с Шаньцзы. Тот поприветствовал старших и велел подавать завтрак.

— А где же Лань? — поинтересовался Линь. Он уже успел облачиться в свою старую одежду — обновки унесли в стирку.

— Пусть ещё поспит, — объяснил Шаньцы. — Проснётся — ему подадут отдельно.

На завтрак были баоцзы с крабовой икрой и горячее соевое молоко с хрустящими палочками ютяо. Перед уходом чиновник позвал служанку по имени Дэн Сюэ — она была из верных людей семьи Юй, сметливая и расторопная.

— Брат, Гэ'эр Линь, Циньинь, по всем вопросам обращайтесь к ней. Она здесь за главную.

Дэн Сюэ почтительно поклонилась:

— Господа, я к вашим услугам.

Шаньцы ещё раз напомнил гостям, чтобы они чувствовали себя как дома, и отправился в управу. Шаньчэн с удовольствием съел завтрак, размачивая ютяо в молоке — вкус был просто божественный.

Циньинь, закончив трапезу, засобирался к себе.

— Я пойду, брат, — тихо сказал он Шаньчэну.

Юноша привёз с собой иголки и нитки. В комнате было тепло, и он решил вышить для супруга брата нарядный мешочек с вышитыми утками-мандаринками. Вчера он забыл подарить его из-за суматохи, решив подождать, пока Лань проснётся.

Присев на мягкую постель, младший брат всё ещё не верил своему счастью. Всего два месяца назад в Цинсяне он горевал из-за Хэ Тяня и считал каждую монету. Когда Шаньчэн сказал, что Шаньцы больше не нуждается в помощи и теперь сам присылает деньги, Циньинь даже не знал, на что их тратить. Он привык во всём себе отказывать, мечтая лишь о том, чтобы у родителей всегда был кусок хлеба.

Теперь же, оказавшись в Синьфэне, он всем сердцем полюбил яркую и открытую невестку. Тот казался ему воплощением смелости и свободы — качеств, которых самому Циньиню так не хватало.

В уездной управе Чжэн Шаньцы привычно взялся за дела. Он откладывал в сторону подозрительные прошения и те, что касались местных богатеев. За всё время он так и не нашёл компромата на семью Ци — помощник начальника уезда Ци явно успевал

перехватывать опасные бумаги раньше, чем они ложились на стол начальника.

Цзяюй Лю пригласил Шаньцы на литературное собрание. Тот решил не отказываться — следовало поближе познакомиться с местными учёными, сюцаями и цзюйжэнями. Согласно спискам, в Синьфэне числилось двенадцать сюцаев и пятеро цзюйжэней. Любой из них мог претендовать на должность в управе. Уезд обеспечивал их зерном, чтобы они могли спокойно учиться.

Собрание должно было состояться в выходной день, так что делам не мешало. Сегодня Шаньцы в сопровождении пристава Чжу и троих мастеров из инженерной канцелярии отправился в город Дунъань — по слухам, мороз там расколол дорогу. Обошлось без жертв, но напугало многих. Начальник уезда и так планировал ремонт дорог по весне, а теперь решил осмотреть всё лично.

Из-за сугробов малый экипаж застрял на подъезде к городу, и дальше пришлось идти пешком. У трещины в дороге их уже ждал глава города Дунъань.

— Приветствую господина Чжэна! — засуетился он.

— Оставим церемонии. Докладывай, что стряслось, — распорядился Шаньцы, глядя, как люди расчищают снег.

Глава города пояснил, что земля лопнула позавчера ночью. Он велел убрать обломки, надеясь справиться своими силами, но разлом оказался слишком глубоким.

— Верно, господин, — подтвердил один из мастеров. — Нужно измерить глубину и оценить масштаб повреждений.

Пока мастера работали, Шаньцы обратился к главе города:

— Вы писали в прошении о нехватке воды. В чём причина?

Глава вытер пот со лба, несмотря на холод:

— Зима выдалась лютая, колодцы перемерзли, а оставшихся четырёх на весь город не хватает. На реку ходить опасно — лёд хоть и толстый, но скользкий, упадешь в прорубь — поминай как звали. Раньше такого не бывало, люди привыкли экономить, но сейчас совсем беда.

Шаньцы нахмурился. Четыре колодца на такой город — это никуда не годилось.

— Вы правильно сделали, что доложили, — успокоил он главу города.

Тот облегчённо выдохнул. О новом начальнике уезда ходили разные слухи, но, увидев его в деле во время жатвы, глава решил выложить наболевшее. Воды не хватало не только зимой, но и в засушливое лето. Пытались рыть новые колодцы, да только в здешних песчаных почвах найти жилу без мастера — дело пустое. Прежние прошения в ямэнь пропадали, но теперь появилась надежда.

Мастера закончили замеры. У них были материалы для заделки, чем-то похожие на бетон, но менее прочные.

— Трещины велики, господин Чжэн, — доложил один из них. — Придётся слать в управу за особым раствором.

— Ступайте, — кивнул Шаньцы. — И пусть пришлют тех, кто умеет искать жилы.

Пока гонец спешил в город, Шаньцы прошёлся по окрестностям. Он заметил на полях ростки пекинской капусты.

— Она мороза не боится, — пояснил глава города Дунъань. — Сажаем по зиме для прокорма, а весной уже злаки пойдут.

Они вышли к реке. У берега было прорублено несколько лунок — люди ловили рыбу и набирали воду в вёдра. На реке лёд казался надёжным, но глава всё равно беспокоился.

Обедали в местном трактире. Шаньцы заказал скромно — четыре блюда и суп, дяньши Чжу добавил к заказу свинину в соевом соусе.

— Купцов в городе немало, а жизни мало, — заметил Шаньцы, глядя в окно.

— Так стужа же, — развёл руками глава города. — Дрова да уголь в цене выросли. Дрова были по четыре монеты, теперь по восемь просят. Кто побогаче — за счёт аренды земли живёт, кто победнее — своим делом перебивается, да только без покупателей грош цена тому делу. Торгуем перцем, арахисом, сушёной хурмой... Цитрусовые хороши, да только за бесценок отдавать приходится.

— Перец сейчас по две монеты, — кивнул Чжэн Шаньцы. — Но в ямэне открывается мастерская острых соусов, будем принимать по три. Я хотел объявить об этом весной, но раз уж мы здесь — передайте людям.

Глава просиял — лишняя монета на большом объёме превращалась в весомую сумму. Он решил завтра же собрать сельских старост и разнести добрую весть.

«Похоже, господин Чжэн намерен по-настоящему развернуться в нашем уезде», — подумал он с воодушевлением.

К вечеру мастера из инженерной канцелярии вернулись. Они заделали трещины и строго-настрого запретили по ним ходить, пока раствор не схватится. К Шаньцы подошли ещё несколько человек. Один из них почтительно доложил:

— Господин Чжэн, сейчас не время колодцы рыть — под снегом жилу не сыскать. Но мы придумали, как помочь горю на эти три месяца.

— Слушаю, — заинтересовался чиновник.

Умельцы соорудили длинный желоб из бамбука, на конце которого закрепили устройство с рычагом.

— Опустим трубку в речную прорубь, закрепим, и давлением станем воду качать. Ручку вниз — вода вверх. И на лёд выходить не надо.

Шаньцы невольно усмехнулся.

«Настоящие таланты»

— Добро. А весной придёте сюда и выроете два добрых колодца.

Мастера с готовностью согласились. Вопрос был временно решён. Глава города самолично опробовал рычаг: стоило нажать пару раз, и из бамбука в ведро весело зажурчала вода.

— Умеют же люди в ямэне дела делать! — восхищённо выдохнул он.

Теперь он был спокоен: и дорога будет цела, и перец пристроен, и вода в доме будет. Глава велел поставить стражу у дороги, чтобы никто не смел ходить по свежему раствору.

Юй Ланьи проснулся поздно. После завтрака он вызвал Дэн Сюэ:

— Где гости?

— У себя в комнатах, господин.

«И верно, в такую стужу из-под одеяла только по нужде вылезешь», — подумал Ланьи. Он хотел было заглянуть к Шаньчэну и Линю, но передумал — тревожить супругов было неловко. Вспомнив, как вчера рано уснул и так и не успел вдоволь налюбоваться мужем, он решил восполнить это вечером.

Он отправился к Цинъюню. Постучав в дверь, спросил:

— Цинъюнь, можно войти?

Юноша быстро спрятал вышивку в корзинку и поспешил открыть:

— Конечно, проходи.

В комнате было жарко. Лань сразу распорядился об установке канов — спать на них куда приятнее, чем у жаровни.

— Как тебе здесь, Цинъюнь? — ласково спросил он.

— Спасибо за заботу, мне здесь очень нравится.

Младший брат достал из-под подушки искусно вышитый мешочек с уточками-мандаринками и, смущаясь, протянул его Лань:

— У меня нет ничего дорогого, чтобы отблагодарить тебя... Я сам это вышил. Пусть у вас с братом всегда будет лад и долгие годы счастья.

<http://bllate.org/book/15809/1436470>